

Слова дяди на мгновение привели Вэнь Хао в замешательство. Этот ход мыслей показался ему смутно знакомым.

Дядя был прав: горечь поражений, которые доводилось переживать им, сражавшимся в кровавых битвах, невозможно передать словами, особенно когда эти неудачи были следствием человеческого фактора.

Во времена социальных потрясений быть первопроходцем — тяжкая ноша. Это всё равно что идти в одиночку по бескрайней пустыне: что бы ты ни говорил, что бы ни делал, тебе не добиться одобрения косного народа, порой даже не встретишь отпора — лишь глухое равнодушие. И в конце концов приходится умолкнуть, смирившись с печальным одиночеством.

Однако, даже сняв военную форму, Вэнь Хао продолжал считать себя солдатом. Он никогда не сомневался в своем выборе вступить в армию, его вера в преданность стране и служение народу оставалась непоколебимой. Отчасти это было потому, что он не был склонным к рефлексии теоретиком, но главным образом — потому что за неполный год, проведенный в Чунцине, он своими глазами видел волны патриотического подъема: бесчисленные сборы средств, бесконечные караваны с военными грузами... Именно те рабочие, что под яростными бомбардировками вражеской авиации продолжали выпускать боеприпасы; те женщины и старики, которые, голодая, провожали молодых на фронт, а сами брали на себя все сельскохозяйственные работы, чтобы обеспечить армию продовольствием, — именно они наполняли Вэнь Хао уверенностью в том, что Китай непременно победит. А дядя... его слова о стремлении оставаться сторонним наблюдателем — не более чем сиюминутный порыв.

С тяжелыми, невыразимыми чувствами на душе Вэнь Хао вернулся в свою комнату.

В дверь постучали. Открыв её, он увидел стоявшую на пороге Лю Чун, которая только что в сердцах выбежала из гостиной.

— Третий брат, ты сейчас свободен?

— У тебя ко мне дело? — он впустил Лю Чун внутрь и предложил присесть. — Если ты хочешь, чтобы я уговорил дядю, боюсь, я не смогу тебе помочь.

— Нет, не об этом! — Лю Чун замахала руками. — Я хотела спросить: тот господин Сун, который помог нам доставить больного к доктору Вану... он... женат?

Вэнь Хао как раз наливал ей чай. Услышав этот вопрос, он едва не выронил чашку. Прошло немало времени, прежде чем он пришел в себя, а в душе зародилось недоброе предчувствие.

— Ты... зачем ты об этом спрашиваешь?

— Он такой статный! И в этой его красоте есть что-то зловещее, он такой высокий и

величественный, прямо как... как самая яркая звезда американского кино, Кларк Гейбл! — Лю Чун смотрела на него с мечтательным выражением, свойственным юным девушкам.

У Вэнь Хао разболелась голова.

— Глупая сестренка, ты что, пересмотрела Унесенных ветром и потеряла рассудок?

Лю Чун покраснела и смущенно пробормотала:

— Третий брат, я хочу подружиться с ним. Ты не мог бы нас познакомить?

Смысл её слов был настолько очевиден, что притвориться дурачком и уйти от ответа было невозможно. Вэнь Хао оставалось лишь твердо отказаться:

— Ты не можешь с ним дружить.

— Почему?

Вэнь Хао не знал, как подобрать слова. Чунь-эр еще не исполнилось и двадцати, она совсем ребенок, да к тому же девушка — разве можно рассказывать ей о таких грязных вещах, как сожительство с мужчинами или неподобающие связи?

— Чунь-эр, не спрашивай больше. В общем, третий брат желает тебе только добра.

Его слова разозлили Лю Чун.

— Все вы, взрослые, такие! Чуть что — сразу становитесь в позу старших. Только и твердите, что печетесь обо мне, а на самом деле просто защищаете свою власть! Я думала, раз ты служишь в армии, то не будешь таким же косным и никчемным, как отец. Кто же знал, что вы все одного поля ягоды!

Вэнь Хао промолчал, лишь опустил голову и горько усмехнулся. Нелегко, когда правда за тобой, а высказать её нельзя.

Брат и сестра сидели в молчании. Спустя долгое время Вэнь Хао сменил тему:

— А этот доктор Ван Дайси — хороший специалист?

Лю Чун была еще юна, её гнев вспыхивал и гас быстро. Она тут же забыла о недавнем споре и увлеченно поддержала разговор.

— Хороший? Да он просто Хуа То, переродившийся в наши дни! Был один больной, на которого рухнула потолочная балка — живот пробило, мало того что ребра сломаны, так еще и внутренности в клочья. Доктор Ван умудрился сшить всё обратно. Он даже лучше, чем наши профессора-иностранцы.

Услышав рассказ кузины, Вэнь Хао невольно проникся к доктору уважением.

— Раз у него такой дар, почему же он не помогает людям повсеместно, а решил скрыться в горах?

Лю Чун вздохнула:

— Я спрашивала его об этом. Он сказал, что открыл аптеку у ворот Чуцимэнь — кажется, недалеко от нашего магазина. Он принимал там больных, но когда Лю Вэньхуэй вдруг решил обложить его налогом на практику, он в сердцах закрыл всё и ушел в горы. В конце концов, там полно богатых пациентов, без дела не останется.

Вэнь Хао лишь тяжело вздохнул в ответ. Он помнил, как в двадцатые и двадцать первые годы эры Китайской Республики весь Сычуань страдал от засухи, урожаи были плохими, а группировки войск из Сычуани, Юньнани и Гуанси бесконечно воевали между собой. Военные расходы были непомерными, а налоги — бесчисленными. Позже ситуация немного наладилась, но тут в дело вмешались японские дьяволы. Неудивительно, что крестьяне в уездах Хэчуань и Цицзян сложили грустную присказку: «В феврале — зерно с примесью, в марте — отруби, в апреле — дикие травы, в мае — полный голод».

Если заговорить о страданиях китайского народа, то можно поседеть за одну ночь.

— Однако, — добавила Лю Чун, — услышав от меня о том, что происходит после бомбежек, доктор Ван решил вернуться.

— Правда? — обрадовался Вэнь Хао.

— Конечно, — уверенно кивнула Лю Чун. — Доктор Ван очень добрый. В тот день, когда он закончил операцию, к нему пришел один молодой человек, похожий на носильщика, с ребенком на руках. У малыша была тяжелая простуда, несколько дней мучился. Доктор сделал укол, состояние сразу стабилизировалось. Он даже дал ему лекарств и денег не взял. Тот настаивал, а доктор сказал: раз у тебя нет денег, я всё равно не смогу с тебя взять. Повешу долг на тех, у кого они есть. Слуги говорили, что тот мужчина живет в сарайчике рядом с домом доктора и даже помогал ему чинить крышу... По-моему, доктор Ван — настоящий Робин Гуд!

Глядя на восхищенное лицо кузины, Вэнь Хао внезапно понял:

— Ты хочешь бросить учебу, чтобы пойти к нему в ассистенты?

Лю Чун тихо призналась:

— Да.

Вэнь Хао долго размышлял, прежде чем ответить:

— Я поговорю с дядей. Но не обещаю, что он согласится.

Лю Чун от радости обняла его за шею:

— Спасибо, третий брат, ты самый лучший!

Вэнь Хао улыбнулся, не проронив ни слова, и похлопал её по спине. Его мысли унеслись вдаль, к Сун Шаояню.

Смутно он начал понимать причину его насмешливой, показной улыбки, едкого, почти ядовитого языка и вечно противоречивых поступков. Вероятно, всё так же, как у дяди или того самого доктора Вана? Именно потому, что в прошлом он растратил слишком много пыла для этой страны, теперь он стал таким отстраненным и холодным. По сути, это лишь способ самообмана.

Вэнь Хао решил простить Сун Шаояню все его прошлые выходки. А что будет потом... кто знает?

В понедельник Вэнь Хао и Сун Шаоянь снова встретились в саду семьи Жэнь. Они проработали вместе до девяти вечера, после чего Сун Шаоянь предложил перекусить в переулке деликатесов в центре города. Вэнь Хао охотно согласился.

Раньше он считал Сун Шаояня типом, у которого нет явных грехов, но вид — отталкивающий. Теперь же, после выходных раздумий, тот казался ему куда более приятным человеком.

Переулок деликатесов — это небольшая улочка к востоку от улицы Миньцюань. Неизвестно, когда именно беженцы со всей страны, нашедшие здесь приют, начали открывать закусочные, чтобы прокормиться. Люди съезжались отовсюду, поэтому и закуски были самыми разными, собрав в себе всё лучшее с Востока, Запада, Севера и Юга. Сладкие рисовые шарики из Ханчжоу, тушеное мясо из Уси, свиные рульки из Пекина, соленая утка из Нанкина, паровые пельмени с креветками из Шанхая, свинина чашу из Гуандуна... Настоящее цветение сотни цветов, где каждый показывает свое мастерство.

Когда они пришли, уже зажглись огни, но торговля шла довольно бойко. Должно быть, из-за того, что еда была вкусной и дешевой, а главное — утоляла тоску по родному дому, даже в это беспокойное лето многие приходили сюда поужинать. Они сели за столик закусочной, вывесившей флаг пекинской кухни, и заказали наугад несколько блюд. В густом пару, поднимавшемся от печей, можно было разглядеть, как в округе полным ходом идут восстановительные работы: слышалось, как мастера стучат инструментами по кирпичу и доскам.

Вскоре хозяин принес дымящиеся тарелки. Сун Шаоянь взял кусочек говядины, тщательно прожевал его и вздохнул:

— Вкусно, но до Юэшэнчжай всё-таки не дотягивает.

Вэнь Хао с улыбкой указал на остальные тарелки:

— В таком случае, вонючий тофу, разумеется, уступает Ван Чжихэ, а мясная нарезка ни в какое сравнение не идет с Пу Уфаном.

Сун Шаоянь без тени смущения кивнул:

— Да, а вот чайный суп у Ли под мостом... вот это действительно заставляет душу томиться, а слюнки — течь.

— Не волнуйся, — сказал Вэнь Хао, глядя на него. — Настанет день, мы прогоним захватчиков, вернемся в Бэйпин и будем есть самую настоящую мясную нарезку и утку по-пекински.

Сун Шаоянь на мгновение замолчал, а затем усмехнулся:

— Настанет день? У тебя и правда много уверенности. Но я бы посоветовал тебе смотреть на вещи реалистичнее.

— В чем же я нереалистичен?

— Прошу, для начала разберитесь с тем, кто собрался ехать в Японию на мирные переговоры, а потом уже говори о будущем. Так будет практичнее.

Опять за свое.

Вэнь Хао подпер голову рукой, внимательно изучая Сун Шаояня. Он хотел заглянуть глубже оболочки, увидеть, что скрывается за этой легкомысленной улыбкой. Но у него не было всевидящего ока, чтобы читать мысли.

После еды они не спеша пошли по дороге и вскоре оказались у причала Чаотяньмэнь. Стояла середина лета, жара была невыносимой, но речной ветер на причале освежал, прогоняя зной.

Впереди, там, где сливаются Янцзы и Цзялинцзян, широкая гладь реки была покрыта легкой рябью и мерцала, уходя в бесконечность. На другом берегу сияли тысячи огней — каждый казался глазом, передающим тайные послания. Отражения на воде, огни домов и звезды сплетались в одно великолепное зрелище.

Сун Шаоянь поднял голову к темно-синему небу и тихо зачитал:

— Холодный экран, освещенный свечой осенней,

Веером легким гоню я летящих светляков.

В эту прохладную ночь, как вода, небеса,

Смотрю на звездную пару — Ткачиху и Пастуха.

Вэнь Хао тоже посмотрел вверх: в чистой глубине небес протянулся Млечный путь, а полная луна и яркие звезды украшали небосвод, заставляя голову кружиться от красоты.

Он не удержался и ответил строчкой:

— Встану, возьмусь за белые руки, в доме тишина,

Иногда вижу, как редкая звезда пересекает небесную реку...

Оба они были в белых рубашках и темных брюках и казались совсем юными. Стоя так, спокойно и вежливо, на каменных ступенях у реки, подставляя лица ночному ветру, они напоминали двух чистых и искренних студентов. Казалось, что все прежние раздоры унесло прочь ночным воздухом, оставив лишь общее чувство восхищения красотой этого мира.

— Какая ночь, какая красота, — наконец произнес Сун Шаоянь, отчего и на душе стало спокойно, как в тихую гавань.

Вэнь Хао кивнул, решив воспользоваться моментом, чтобы продвинуть свои взгляды:

— Поэтому мы и должны защитить всё это от разрушительного огня войны.

— Ха-ха, легко сказать.

— Если мы все объединимся...

— Тот самый человек, который публикует телеграммы соболезнования, тоже китаец, — перебил его Сун Шаоянь.

Вэнь Хао горько усмехнулся. Сун Шаоянь был невероятно упрям и пугающе пессимистичен. Говорить было не о чем. Однако, несмотря на горечь, на сердце было мирно — ведь такая красота встречается нечасто.

После полумесяца подготовки всё было готово к открытию сада «Семь-Семь». Чтобы обеспечить успешный старт, организаторы разослали приглашения многим известным личностям города. В то утро Вэнь Хао по делам отправился в центр и попутно решил занести часть приглашений. Когда он закончил, было уже полдень.

Проходя мимо западного ресторана «Салливан», он почувствовал манящий аромат сливочного крема. Вэнь Хао заглянул в большое окно: повар сыпал свежеспеченные тарталетки сахарной пудрой, а за столиком чуть поодаль сидел Сун Шаоянь, беседуя с каким-то мужчиной.

Вэнь Хао был поражен. Город действительно казался крошечным — куда ни повернись, везде встретишь знакомых. Хуже того, этот мужчина был главой той группы, что собиралась в Теюане.

Вэнь Хао невольно вошел внутрь и сел за спиной у собеседников. Оглядевшись, он увидел парочки, супругов, отца с дочерью — всё выглядело обычно, но в углу сидел мужчина, уткнувшись в газету, с очень цепким взглядом.

Навострив уши, он услышал, как Сун Шаоянь говорит:

— Всё уже устроено.

Мужчина ответил:

— Господин Сун, я от имени Восьмой армии и пятидесяти миллионов трудящихся из опорного района Цзинь-Ча-Цзи благодарю вас.

Сун Шаоянь промолчал, но Вэнь Хао почти физически ощутил, как на его лице играет издевательская усмешка. В конце концов, общество так устроено: помогай, если можешь, а если нет — опасайся нажать врагов.

Они обменялись еще парой фраз, после чего мужчина ушел. Тот, что читал газету, тоже встал и последовал за ним. Вэнь Хао тихо выдохнул.

Вдруг кто-то легонько постучал его по голове. Он поднял глаза — Сун Шаоянь, стоя за спинкой стула, смотрел на него с полуулыбкой.

— Тебя не учили, что подслушивать чужие разговоры — верх невоспитанности?

Вэнь Хао не ответил, продолжая смотреть на него, застыв с шеей под прямым углом. Картина вышла до невозможности комичной. Спустя некоторое время Сун Шаоянь щелкнул его по лбу:

— Ты не устал? — он обошел стол и сел напротив. — Обед ел? Если нет, я угощаю.

Вэнь Хао, глядя на его беспечный вид, не удержался:

— У тебя храбрости хоть отбавляй. Может, будешь вести себя потише? — он не забыл, какой балаган устроили в прошлый раз.

— Это называется скрываться среди толпы. К тому же, товарищам из Южного бюро не страшно, чего ты переживаешь?

— Скажи еще громче, может, выйдешь на улицу и прокричишь на весь город? — Вэнь Хао не интересовался политикой, его принципом было прикинуться глухонемым, но это не значило, что он не догадывался: представительство Восьмой армии в Чунцине — не просто офис.

— Не бойся. Забыл, что я гражданин США? Статус иностранного друга — вещь ценная.

— Говорить-то ты говоришь, но береженого бог бережет. Политика спецслужб — лучше казнить сотню невинных, чем пропустить одного виновного. Обвинения в политических преступлениях могут быть какими угодно. Да и в Яньани любят устраивать внутренние чистки. В общем, осторожность не помешает.

Сун Шаоянь внезапно подался вперед:

— Столько слов... Ты беспокоишься обо мне? — он был так близко, что Вэнь Хао почувствовал запах его сигарет.

Вэнь Хао и сам опешил. Беспокоится? Возможно. Лицо его невольно залилось краской.

— Я всегда думал, ты зеленый юнец, который слишком возносит чиновников, а оказалось, всё не так, — сказал Сун Шаоянь. — Раз уж ты не совсем наивен, должен понимать: китайцы больше всего любят грызться между собой. Где уж там достичь того единства, о котором ты говоришь.

Вэнь Хао лишь горько усмехнулся:

— Поэтому я всегда ненавидел политику. Сплошная болтовня, длинные речи, пафосные выступления, красивые статьи, переговоры... А в итоге всё решают самолеты, пушки, танки и рукопашная. Чья винтовка крепче, тот и прав.

Не зря говорят: «Власть рождается из ствола винтовки».

Однако он редко предавался подобным раздумьям, ведь он был кадровым военным — его интересовал не вопрос «зачем», а только результат войны. Увы, не все могли мыслить так просто, как он.

— Слышал от сына господина Ли, что ты был командиром отдельного батальона 36-й дивизии?

— Заместителем командира, — при упоминании прошлого Вэнь Хао почувствовал неловкость.

— Мы были лучшей дивизией, оснащенной по немецкому образцу, всегда задирали нос, считали себя исключительными. И только вступив в бой с японцами, поняли, что всё это время были просто самоуверенными глупцами.

— Они готовились годами, чтобы ударить наверняка. Ваша подготовка была слабее, так что поражение логично. Но если бы вы не сражались насмерть, выигрывая время для войск местного правительства, план японского блицкрига мог бы осуществиться. Судя по недавней битве при Суйцзао, у Китая есть шансы на победу.

Вэнь Хао был глубоко тронут:

— Ты правда так думаешь? Не считаешь нас никчемной «армией из тофу», которая лишь тратит деньги и еду?

Во время обороны Пекина и Шанхая Центральная армия выложилась до конца. Позже, при отступлении и поражении в Нанкине, когда 36-я дивизия с боями прорвалась на север, остатки 87-й, 88-й дивизий и курсантов Центральной военной академии были включены в состав 20-й группы армий. Вэнь Хао участвовал в битве при Сюйчжоу, включая сражение за Тайэрчжуан. Если бы не ранение, после которого его комиссовали, он, вероятно, уже сражался бы в Хунани или Цзянси. Больнее всего ему было читать статьи, высмеивавшие их как «армию из тофу». Кто знает, обретут ли покой души его павших товарищей, чьи кости еще не остыли?

— Я ненавижу бюрократов, но уважаю солдат, — твердо ответил Сун Шаоянь.

Слова Сун Шаояня стали словно прорывом плотины для всех накопившихся за эти годы обид и горечи.

Сун Шаоянь, видя, как его слова всколыхнули в душе Вэнь Хао болезненные воспоминания,

поспешно сменил тему:

— Я закажу два стейка, ты не против?

Вэнь Хао покачал головой:

— Нет, спасибо.

В этом «спасибо» было заключено всё то, что он не мог выразить словами.

— У тебя были дела в центре города?

— Развозил приглашения на вечерний салон. Завтра же седьмое июля. Госпожа Фэн сказала, что она уже официально приглашала тебя, верно?

Сун Шаоянь улыбнулся:

— Я ведь спонсор, конечно, она ко мне благоволит.

Вэнь Хао внезапно почувствовал укол ревности.

<http://bllate.org/book/21143/2144167>